

Влачащие жалкое существование смертные старательно занимались культивацией и накапливали добродетель, попутно пристроив истинного главного героя к себе под крыло в качестве младшего брата. Спустя несколько сотен лет он действительно превратился в победителя по жизни, известного на весь мир, окруженного закадычными друзьями, по которому сходили с ума бесчисленные девы.

Однако, несмотря на то, что сюжет романа был полностью изменен до неузнаваемости, неожиданное бедствие сбросило его, любимца небес, с облаков. Истинный главный герой вскоре взошел на вершину, и после долгих кругалей оказалось, что он всё-таки остался лишь той самой ступенью для чужого взлета.

Пятнадцать лет назад.

У входа в Долину Запретного Края.

— Плохо! Этот Цзин Фаньшэн убежал вглубь долины! — один из монахов в синих одеждах, летевший на мече, был схвачен за рукав своим спутником в зеленом, и они остановились как вкопанные, едва не ворвавшись в клубящийся кругом густой туман.

— Ты сошел с ума! Отравительные испарения вокруг этой Долины Запретного Края невероятно токсичны, их не вынесут даже мастера стадии Слияния! Как ты посмел так напролом бросаться внутрь?!

У погруженного во мглу входа в долину возвышался гигантский вал высотой в чжан, на котором были высечены четыре ярко-красных слова: Ступившего за грань ждет смерть.

Монах в синем непокорно возразил:

— Если не преследовать его, так что же, сидеть и смотреть, как эта нечисть уходит у нас из-под носа? Он ведь убил двух старейшин нашего Дворца Сяосян!

— Тьфу! Я же по доброте душевной тянул тебя, а ты не ценишь моей заботы! Словно только у вашего Дворца Сяосян такие тяжелые потери, а у нас в Куньлуне никого не погибло!

— Хватит вам! Стоит ли упоминать те крошечные убытки ваших двух секты? Если хотите сравнивать, чье горе больше, отправляйтесь на гору Чунмин — там во всей секте в живых осталось меньше десятка человек! Говорят, на Хребте Заходящего Солнца кровь до сих пор не высохла, ццц.

— Уважаемый, ты неправ. Если бы Цзин Фаньшэн не предал свою секту, не впал в одержимость и не устроил эту бойню на горе Чунмин, от которой у всех нас волосы встали дыбом, стали бы мы сегодня поднимать столько людей ради облавы на него?

— Амиабха.

С этими словами раздался голос, и вокруг немного стихло.

— При нынешнем положении дел уважаемым товарищам лучше немного остыть и сообща обсудить дальнейший план действий.

Все притихли, и каждый невольно подумал: план действий? Какой еще может быть план действий? Стоит только великому защитному массиву горы Долины Запретного Края активироваться, как ядовитый туман покроет все горы — никто не сможет его пробить и нет от него лекарства. И где им теперь искать мастера стадии Слияния или выше, чтобы вытащить оттуда эту нечисть?

Долгое время спустя монах в белых одеждах покачал головой и вздохнул:

— Кто бы мог подумать, что облава в Городке Покорения Демонов планировалась столь долго, а столько умельцев в итоге так ничего и не смогли сделать с одним лишь Цзин Фаньшэном.

— И не просто не смогли! По-моему, этот даос Фаньшэн и вправду впал в одержимость. Столько монахов было в Городке Покорения Демонов, и никто не уцелел — он всех их вывел из строя!

— Хм! А по мне, так этот Цзин Фаньшэн, добежавший досюда, уже выбился из сил. Если бы не Цинь Жун, его бы давно покарали поборники справедливости!

— Невероятно, чтобы Бессмертный лекарь из Долины Запретного Края оказался в сговоре с этой нечистью!

— Раз уж Цинь Жун повязана с этой нечистью, она, конечно же, не позволит нам войти в долину.

— Хватит пустых слов! Эта нечисть уже тяжело ранена, и если мы не упустим момент вырвать корни вместе с побегами, боюсь, в будущем от него не жди конца бедствиям...

— Так что же нам делать?

Даже если бы им удалось проникнуть в Долину Запретного Края, смогли бы те немногие из оставшихся одолеть этого Цзин Фаньшэна? Все питали тайные опасения, но вслух этот вопрос никто не задал.

К тому моменту у входа в долину уже приземлились сотен две монахов. Скучковавшись перед тропой, они переглядывались, и в глазах каждого читались одни и те же растерянность и вопрос: что же нам теперь делать?

Кто бы мог подумать, что в глубине Долины Запретного Края, наводящей страх на всех заклинателей, нет ни дыма, ни тумана — напротив, там царил живописный пейзаж, полный

щебетания птиц и благоухания цветов.

Юная девушка с утонченной и одухотворенной внешностью сидела перед внутренним двором и сушила лекарственные травы, как вдруг услышала шуршание. Подняв голову, она изумленно произнесла:

— Отец? Почему ты так неожиданно вернулся... А это... Истинный человек Цзин?!

Разглядев мужчину, который хоть и был в черном, но выглядел так, будто его искупали в луже крови, девушка торопливо подобрала подол платья и бросилась к ним. Не обращая внимания на грязь и запекшуюся кровь на чужой одежде, она помогла отцу затащить человека в дом.

Цинь Фэнъюнь подхватила ношу с другой стороны и с досадой выговорила:

— Кому он опять насолил? Почему на этот раз ранен настолько тяжело?

Кто бы мог подумать, что человек, чье тело только что висело тряпкой без единой кости, а голова почти падала на грудь, все еще находился в сознании.

Он слегка приподнял голову. Несмотря на покрывавшее лицо кровавое месиво, в нем все еще угадывались черты прежней ослепительной красоты.

Услышав слова Цинь Фэнъюнь, Цзин Фаньшэн по привычке хихикнул пару раз и, имея еще силы на шутки, поприветствовал ее:

— Госпожа Цинь, давно не виделись.

Заметив, что он всё еще способен говорить, Цинь Фэнъюнь немного успокоилась, но не удержалась от того, чтобы шумно сплунуть, и сурово бросила:

— Ты опять цеплялся к чьей-то дочери? Тебя отделали так сильно, жить надоело?

Голос Цзин Фаньшэна звучал необычайно хрипло, но хотя силы его покинули, говорил он весьма звонко. Он принялся твердить:

— Надо, надо! Моя жизнь слишком драгоценна, бросать ее никак нельзя.

Кое-как дотаскив и наполовину взвалив ношу на кровать, Цинь Жун бесстрастно произнесла:

— Хочешь остаться в живых — заткнись.

— Хорошо-хорошо, замолкаю. Кстати, великий герой Цинь, при нашей-то многолетней дружбе ты просто обязан меня вылечить... Не зыркай так, я уже молчу, доволен?!

Едва вымолвив это и с трудом устроившись на краешке постели, он все же не сдержался и выплюнул на пол огромную лужу крови.

Цинь Жун почуяв неладное, с ловкостью опытного мастера вонзила серебряную иглу ему прямо в макушку. Ресницы Цзин Фаньшэна дважды дрогнули, и, не успев сообразить, в чем дело, он потерял сознание.

Перед тем как провалиться во тьму, картины прошлой и нынешней жизнью предстали перед его глазами, промелькнув в сознании с невероятной скоростью.

Если говорить о том, почему он угодил в столь плачевное положение, то виной всему был тот самый роман Бедствие демонов в мире, написанный автором по прозвищу Морская свинка, разводящая кошек.

В прошлой жизни Цзин Фаньшэн на самом деле носил имя Цзин Ци. У него было прекрасное происхождение, смазливая внешность, с малых лет он купался в лучах славы, будучи баловнем судьбы и типичным мажором, прожигающим жизнь. Но однажды, открыв глаза после сна, Цзин Фаньшэн обнаружил, что угодил внутрь книги.

На портале веб-литературы романы в жанре сянься про гаремники пользовались бешеной популярностью, и он незаметно для себя прочитал их немало. Однако к своему глубочайшему несчастью, он угодил именно в ту книгу — самую абсурдную, нелогичную, зияющую сюжетными дырами и даже не имеющую конца.

Еще большим несчастьем было то, что единственным достоинством романа являлся избыток Мэри Сью-шности: главный герой качал уровни и охмурял дев сплошным удовольствием, а сам он превратился в супер-белолоточного святошу из этого же романа, который всю дорогу служил для главного героя ступенью, а в конце был безжалостно слит автором... в жалкого второстепенного персонажа!

...Черт побери, да он даже на мелкого злодея не тянул!

Всё верно: стоило ему дочитать до момента, когда пушечное мясо по имени Цзин Фаньшэн из-за своего особого происхождения вынужденно встало по другую сторону баррикад от лучшего друга — главного героя, и было слито, как он сам переместился в этот мир, превратившись в Цзин Фаньшэна.

Заставить его играть роль ступени для главного героя, послужить авторским золотым пальцем на ранних порах, а затем безжалостно прирезать за ненужностью?

— Чушь собачья! Куда бы я ни ступил, везде буду главным героем!

К счастью, когда он перенесся сюда, Цзин Фаньшэну было всего чуть больше двадцати, а истинный главный герой в те времена еще даже не родился. И раз уж этот Цзин Фаньшэн мог

послужить золотым пальцем для главного героя на начальном этапе, у него самого имелся целый ряд выдающихся превосходных задатков: происхождение из праведной секты благородного круга, выдающаяся внешность и темперамент. При столь уникальных стартовых условиях изменить сюжет было вполне возможно.

Приняв твердое решение, Цзин Фаньшэн упорно занимался культивацией, накапливал карму, а заодно пристроил истинного главного героя Янь Сяожаня к себе под крыло младшим братом.

Спустя несколько сотен лет он действительно превратился в того самого героя с сайта сетевой литературы, известного на весь мир, окруженного толпой закадычных друзей, по которому сходили с ума бесчисленные девы.

Однако, несмотря на то, что сюжет романа был полностью изменен до неузнаваемости, и на протяжении веков всё шло мирно, одна непредвиденная беда, которой не было в оригинале, сбросила его с облаков.

После долгих метаний и скитаний длиною в века он всё-таки превратился в нечисть, которую не принимает мир.

Самым отвратительным было то, что он все же стал той самой ступенью для восхождения истинного главного героя.

Облава в Городке Покорения Демонов существовала в оригинале — именно там даос Фаньшэн пал от рук облавщиков.

К счастью, годы стараний не пропали даром. В первоисточнике к этому моменту от Цзин Фаньшэна отвернулись все до единого, и даже главный герой твердо решил покончить с ним. Но теперь давний знакомый и добрый приятель Цинь Жун спасла ему жизнь в критический момент.

К тому же, по воле случая, в его теле завелся какой-то странный... шар, который вроде бы помог ему прорваться сквозь окружение в Городке Покорения Демонов, но почему-то не вызывал у него ни капли радости.

Хорошо хоть сейчас было некогда размышлять об этом шаре.

Хоть он и сбежал, свое тело он знал прекрасно. Раз уж после веков упорного труда всё равно не удалось избежать злой участи, то, судя по влиянию оригинала в этом мире, раз уж автор пожелал его смерти, в этот раз он вряд ли выживет.

А что до истинного главного героя, господина Сяожаня по имени Янь Юань... Как и ожидалось, он — мужчина, любимый автором!

Его ведь столько веков держали под крылом в качестве младшего брата и подавляли, а эта

сволочь взяла и перевернула всё вверх дном в один миг!

— Отныне этот мир принадлежит Янь Сяожаню.

Таковыми были последние мысли Цзин Фаньшэна.

Заметив, что Цзин Фаньшэн секунду назад еще острил и смеялся, а в мгновение ока превратился в еле дышащего старика, Цинь Фэнъюнь дрожащими пальцами вцепилась в рукав отца:

— Он... с ним ведь всё будет хорошо?

— Трудно сказать, — с тяжелым лицом произнесла Цинь Жун. — Я пойду за лекарствами и серебряными иглами, а ты пока побудь с ним.

— Хорошо. Взяв одно из лучших бессмертных снадобий, предназначенных для продления жизни и укрепления первородной энергии, и влив его в рот лежавшему на постели человеку, Цинь Фэнъюнь на мгновение растерянно замерла перед кроватью, пока наконец не сообразила, что раз этот человек с ног до головы испачкан кровью, ей следовало бы по меньшей мере помочь ему снять верхнюю одежду, чтобы облегчить отцу дальнейшее исцеление.

Едва её пальцы коснулись окровавленного черного халата, Цинь Фэнъюнь внезапно почувствовала, что что-то шевельнулось. Не ожидавшая этого, она от испуга тут же отдернула руку.

Присмотревшись повнимательнее, она увидела, что лишившийся чувств Цзин Фаньшэн лежит на спине, и его живот, который в норме должен был быть совершенно плоским, сейчас выглядел слегка приподнятым.

Цинь Фэнъюнь засомневалась. Погоняв взгляд по его животу какое-то время, она заметила, что под широкими одеждами словно бы медленно движется нечто живое.

Внезапно её пробрала дрожь. Увиденное показалось ей до того жутким, что она невольно отступила на целый шаг назад и испуганно завопила:

— Отец! Подойди скорее!

У ворот города Лянги несколько стражников добросовестно несли караул, подвергая каждого входящего и выходящего тщательной проверке: сверяли личности и досматривали узлы, прежде чем позволить пройти.

Ближе к полудню за стенами уже выстроилась длинная очередь.

Впрочем, дело было не столько в огромном наплыве желающих попасть в город. Просто многие сидевшие в каретах молодые господа и барышни из состоятельных семей покорно ждали своей

очереди, да и разносчики с повозками и ослиными тележками, груженными товаром, тоже толпились здесь же, из-за чего и создавалось впечатление бесконечного потока.

Палящее солнце висело прямо над головой, лучи били отвесно вниз, доводя всех до исступления. Видя, что очередь едва продвигается, люди невольно принимались жаловаться.

Впрочем, далеко не вся молодежь в толпе была изнеженной.

Невысокая девушка с двумя аккуратными пучками на макушке и прямой чёлкой, облаченная в роскошное белое шелковое платье, совершенно открыто стояла под палящим солнцем, похоже, ничуть не страшась его зноя. Она пожаловалась стоявшему рядом молодому человеку — тоже в роскошных одеждах и на вид лет двадцати с небольшим:

— Я слышала об этом городе Лянъи от своего дяди, но он ничего не говорил о том, что сюда нужно стоять в очереди! Знала бы — мы бы не пошли этим путем, только зря время потратили!

Хотя девочка выглядела сущим ребенком лет двенадцати-тринадцати, её личико с персиковым румянцем и фарфоровой кожей уже поражало воображение точеными, невероятно миловидными чертами. На поясе у неё висел женский меч: пусть и простого покроя, без единой жемчужины или драгоценного украшения, он всё равно переливался на солнце яркими красками, казалось, излучая собственное сияние.

Сопровождавший её молодой господин тоже обладал весьма смазливой внешностью и носил меч на поясе. Услышав её жалобы, он невольно улыбблся краешком рта и произнес:

— Должно быть, мой уважаемый дядя навещал эти места очень давно? Впрочем, в этом нет ничего удивительного.

— А вот в этом вы, молодой человек, ошибаетесь, — подал голос некий торговец, стоявший прямо позади них.

Он пояснил:

— Вообще-то у городских ворот всегда стояла стража, но они никогда не придирались к прохожим без причины... до тех пор, пока человек не вызывал подозрений, расспросов не заводили. А нынешняя излишняя осторожность вызвана тем, что в последнее время в городе объявилась странная напасть.

Девочка прекрасно понимала, что упомянутое её старшим братом «очень давно» и впрямь должно было случиться в незапамятные времена — пожалуй, еще до того, как этот торговец появился на свет.

Но в силу детского нрава она всё же не удержалась и с любопытством спросила:

— О? И что же за странность?

Торговец явно принадлежал к числу любителей поболтать. Заметив, что смог разжечь интерес, он с чувством глубокого удовлетворения намеренно понизил голос и загадочно произнес:

— А чему тут удивляться? В городе завелись призраки!

Девушка лишь насмешливо улыбнулась — похоже, страха она не испытывала вовсе — и поинтересовалась:

— И какие же это призраки?

— Всё началось в доме богатейшего человека во всем городе. А этот богатей, господин Лю, к тому же приходится побратимом нашему уездному начальнику, так что...

Торговец не успел договорить, как его неожиданно прервал громкий, раскатистый зев.

Непонятно почему этот зев получился до того мощным, что все трое невольно повернулись на звук. Оказалось, что исходил он от мужчины, который до этого неподвижно лежал, прильнув к спине тощего ослика, прямо перед девочкой.

Мужчина зевнул, неторопливо выпрямился и сладко потянулся прямо в седле.

Вообще-то эти двое — благородный юноша и юная дева в роскошных одеждах — еще раньше обратили внимание на человека перед ними.

Правда, самого растянувшегося на осле бродягу они полностью проигнорировали, зато приметили подростка, который вел это животное за уздечку.

На мальчике были простые черные одежды, а на поясе висел меч. Судя по росту, ему было лет пятнадцать-шестнадцать; он носил аккуратно убранные волосы и за всё время долгого ожидания почти не шевелился. Лицом он был обращен вперед, а спину держал прямо, словно стоять в очереди вовсе не было утомительно, а палящее солнце ни капли не пекло.

Любой, кто увидел бы этого подростка, державшегося куда прямнее стражников у городских ворот, невольно бросил бы на него еще хотя бы один взгляд.

Жаль только, что, помимо того как вести ослика и вместе с толпой черепашьям шагом продвигаться вперед, мальчик даже головы не повернул, так что до сих пор они могли любоваться лишь его спиной.

Если бы не самая обыкновенная одежда и меч без малейшего намека на духовную энергию, они бы наверняка решили, что этот парень происходит из какого-нибудь прославленного праведного клана или влиятельного семейства с жесточайшими правилами.

Что же до типа, полуживым грузом распластавшегося на осле, то теперь, даже если бы они захотели нарочно не обращать на него внимания, сделать это оказалось бы просто невозможно.

От мужчины разило за версту. В такую жару, стоило ему только подняться, как волна крепкого перегара тут же долетела до них с порывом ветра.

И молодой господин, и девушка синхронно поморщились.

С малых лет их воспитывали в строгой дисциплине, особенно девушку: поскольку в её секте распитие спиртного строго запрещалось, она с самого рождения до сегодняшнего дня не знала даже запаха алкоголя, а теперь, когда её окатило этой сивушной вонью, она поспешно зажала нос.

Сидевший на осле человек был одет в лохмотья, а его пучок волос представлял собой полный беспорядок.

Он от души потянулся, похоже, ничуть не заботясь о том, что окружающие смотрят на него с брезгливостью, затем нагнулся, выудил из висевшего на ослиной шее матерчатого мешка небольшую глиняную флягу с вином и, запрокинув голову, сделал большой глоток.

Осел у него тоже был презабавный. По обе стороны головы животного болтались глубокие и потрепанные холщовые сумы: в одной плескалось вино, а в другой лежала всякая всячина, причем из горловины мешка торчали рукоять и обломок какого-то ржавого меча.

— Я уже успел выспаться, а мы всё еще не вошли в город? — недовольно пробормотал тот человек, подхватил флягу и снова приложился к ней.

Шедший рядом подросток никак на это не отреагировал, продолжая смотреть вперед.

Мужчина вовсе не смутился, хмыкнул и с изрядной долей нагловатой развязности протянул флягу в их сторону:

— Жарища-то какая, не хотите глотнуть для освежения?

Брови девушки гневно сошлись на переносице, рука сама собой легла на рукоять меча на поясе. В мыслях она возмущенно думала: да как он смеет! Мальчишка еще совсем сопляк, а он пытается приучить его к выпивке!

Стоявший рядом молодой человек протянул руку, останавливая её, и мягко произнес:

— Младшая сестра Линлун, это их семейные дела.

Парень по-прежнему хранил молчание, лишь слегка повернув голову в сторону человека на

осле.

Янь Линлун случайно успела разглядеть его полупрофиль.

Кожа у подростка была белой и нежной, губы — бледными, тонкими, с правильным контуром. Чуть выше обнаружился довольно прямой нос... точнее, она предполагала, что он прямой, поскольку верхняя половина лица юноши, начиная от середины носа, скрывалась под черной маской.

Неизвестно, из какого материала была изготовлена эта маска, но она отливала густой, глянцево-черной чернотой, испуская леденящий холодок даже под лучами палящего солнца.

Это был духовный артефакт! Янь Линлун и находившийся рядом с ней юноша Чу Юньгуань поняли это практически одновременно.

Вот только Чу Юньгуань подумал о том, почему юноша в столь заурядной одежде носит на лице духовный артефакт? И каково его истинное назначение?

В то время как Янь Линлун размышляла совсем о другом: зачем этому пареньку прятать половину лица под маской? Уж не изуродовано ли оно шрамами? Если так, то столь прекрасной внешности можно было только посочувствовать.

Сидевший на осле пьянчуга продолжал безостановочно болтать языком, но подросток больше не удостоил его ни единым взглядом.

Обменявшись беглыми взглядами, они отвернулись. Очередь по-прежнему тянулась невероятно медленно, и торговец снова завел разговор о странностях в особняке помещика Лю.

Наконец настала их очередь пересекать городские ворота.

Бесстрастный стражник с тупым выражением лица осведомился:

— Кто такие? Зачем направляетесь в город?

Всадник с осла отозвался:

— Нечисть ловим, призраков умирязем. Слыхали, нынче в городе неспокойно, вот пришли взглянуть.

Стоило ему это произнести, как обладавшая превосходным слухом парочка за его спиной заметила, что на этом человеке и вправду надето даосское облачение. Вот только одежда настолько обветшала и вытерлась, что полностью потеряла форму; если бы не едва различимый узор из пяти стихий и багуа на спине, вряд ли кто-то заподозрил бы в нем

настоящего даоса.

В последние дни желающих заявить о себе как об истребителях нечисти находилось немало — стражники на воротах видели их предостаточно, но все эти люди, судя по всему, приходили лишь для того, чтобы надувать доверчивых горожан. Иначе с какой стати им устраивать столь грандиозную шумиху с дотошным контролем на входе и выходе, если кто-то из них и впрямь способен рубить демонов и изгонять духов?

Другой стражник бегло осмотрел их багаж и котомки — если быть точным, те самые старые тряпичные мешки. Не найдя внутри ничего подозрительного, он легко пропустил их дальше.

Если бы не прямые приказы сверху, кто в такую жару стал бы добровольно торчать на солнце? И пусть приказы не обсуждаются, в глубине души они не переставали ворчать: если здесь и вправду бесчинствуют демоны да призраки, какой смысл досматривать обычных людей?

Пока оба путника проходили сквозь ворота, а Чу Юньгуаня с компанией задерживали для досмотра, взгляд Янь Линлун всё ещё был прикован к удаляющейся спине подростка.

Чу Юньгуань всё видел, но предпочел промолчать.

Хотя он приходился ей старшим братом по секте, его истинный возраст был куда солиднее внешней оболочки, а потому ему было совершенно неинтересно гадать, о чем думает эта тринадцати-четырнадцатилетняя девчонка.

К тому же племянница господина Сяожаня — явно не тот человек, чьи мысли он уполномочен контролировать.

<http://bllate.org/book/22149/2307412>